

References

Bibliograficheskij spisok

Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po special'nosti № 2103 «Inostrannye yazyki». 2-e izd., pererab. – L.: Prosveshchenie, 1981. – 295 s.

Voronichev O.E. Kalambur kak fenomen russkoj ekspressivnoj rechi: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskix nauk. – Moskva, 2014. – 523 s.

Zaliznyak Anna A. Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2013. – 635 s.

Sannikov V.Z. Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. – 525 s.

Slovari

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T.1: A–Z, 2008 g. – 640 s. URL: <https://www.prlib.ru/item/375611> (data obrashcheniya: 28.01.2023). (V tekste – Dal'.)

Efremova T.F. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. – M.: AST, 2006. – T. 2, M–P. – 1160 s. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (data obrashcheniya: 28.01.2023). (V tekste – STSRYA.)

Malyj akademicheskij slovar'. – M.: Institut russkogo yazyka Akademii nauk SSSR/ Pod red. Evgen'evoj A.P., 1981–1984 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com> (data obrashcheniya: 28.01.2023). (V tekste – MAS.)

Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka, 72500 slov i 7500 frazeologicheskix vyrazhenij. – M.: Az', 1992 g. – 960 s. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashcheniya: 28.01.2023). (V tekste – SOSH.)

Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redakciya [Elektronnyj resurs]. – M.: Slavyanskij dom knigi, 2014. – 960 s. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (data obrashcheniya: 28.01.2023). (V tekste – BTSRYA.)

Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka / L.A. Vojnova, V.P. ZHukov, A.I. Molotkov, A.I. Fedorov; Pod red. A.I. Molotkova. – M.: Rus. yaz., 1986. – 543 s. (V tekste – FSRYA.)

Istochniki

Prutkov K. Sochineniya. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1976 [Elektronnyj resurs]. URL <http://lib.ru/LITRA/PRUTKOW/plody.txt> (data obrashcheniya: 28.01.2023). (V tekste – Prutkov.)

УДК 821. 161. 1'37

ББК 83.3(2=411.2)6

© *Е.Ю. Муратова*
Elena Y. Muratova

Образы Москвы и Парижа в поэтических текстах Марины Цветаевой как способ репрезентации фрагмента художественной модели мира

Images of Moscow and Paris in the Poetic Marina Tsvetaeva Texts as a Way of Representing a Fragment of an Artistic World Model

Аннотация: В статье исследуется концептосфера Марины Цветаевой, в частности, концепт <город>, даются его основные параметры. Анализируются образы Москвы и Парижа, созданные М. Цветаевой в модусе глубинных, часто эксплицитно не выраженных характеристик, а также на основе культурных и биографических воспоминаний поэта.

Ключевые слова: Москва, Париж, концепт, город, культура, М. Цветаева.

Abstract: Marina Tsvetaeva's conceptual sphere, in particular, the concept of <city> is investigated in this article; moreover, the main parameters are exposed here. The images of Moscow and Paris created by M. Tsvetaeva in the modus of deep features, often not explicitly expressed are also under analysis; additionally, other pictures based on the cultural and biographical recollections of the poet are examined in this article.

Keywords: Moscow, Paris, concept, city, culture, Marina Tsvetaeva.

Концепты отражают культурно-национальные представления человека о мире. Исследование концептосфер творчества крупнейших поэтов имеет особый научный интерес, поскольку поэт, как писал Е. Евтушенко, – «сгущенный в гения народ», центр системы культурных ценностей, поэтому концепты великих творцов выступают как важнейшие компоненты сознания и знаний о мире, сгустки понятий, совокупности мотивов и образов, из которых складывается неповторимый мир поэта, а богатство его концептосферы расширяет наше видение мира, обогащает мировую культуру, поскольку культура – продукт не только социальный, но и индивидуальный.

Марина Цветаева – крупнейший и неповторимый русский поэт. У нее свой голос, свой стиль и язык, свой «собственный мир, он не всегда прозрачный и понятный, но всегда трагически-прекрасный и притягательный. Любая тема, которой она касалась, становилась эпицентром взрыва ее интеллектуальной и эмоциональной активности» [Маслова, 2004, с. 6].

В концептосфере Марины Цветаевой выделяются концепты пространства, времени, любви, смерти, разлуки и др. Концепт <пространство> охватывает у М. Цветаевой разные страны (Россия, Чехия, Германия, Франция), города и поселки (Москва, Прага, Париж, Мокропсы, Таруса), отдельные любимые сады, парки, дома. В данной статье мы хотим остановиться на восприятии и описании двух городов – Москвы и Парижа.

Что собой представляет понятие «город»? Повышенный интерес к городу, к городской жизни проявился еще в XIX – начале XX века. В середине XX века началось формирование специальной науки – урбанистики, которая исследовала проблемы, связанные с географическим, демографическим, социологическим, архитектурным, историческим положением города, но не могла ответить на социально-культурные вопросы, возникающие в связи с определением города.

Город в любое время существования многолик и нестабилен. В период своего развития именно он считается местом скопления большой по объему и разнородной информации. Именно в городе отчетливо прослеживаются тенденции развития общества. Важнейшими показателями характеристики города являются: взаимодействие города и культуры, его воздействие на культуру, креативная деятельность людей, изолированность человека от

природы. Сюда же можно отнести ощущения горожан, получаемые от цветов, света, форм, запаха вкусов и звуков городской среды.

Город – это особенная система знаков, каковыми являются архитектурные комплексы, здания, планировка и организация пространства, улицы, кварталы и площади. Архитектурные стили помогают понять философию города.

Когнитивный подход открыл еще одно понимание города в модусе глубинных, эксплицитно не выраженных его характеристик. С когнитивизмом «пришло новое понимание того, как следует изучать знание, как можно подойти к проблеме непосредственно не наблюдаемого – прежде всего к проблеме внутреннего представления мира в голове человека...» [Краткий словарь..., 1996, с. 61]. В настоящее время изучение концепта <город>, связано с духовной жизнью людей, со взаимосвязью конкретного человека и социальных реалий: город как продолжение человека во внешний мир.

Ю.М. Лотман пишет: «Город как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман, 1992, с. 9]. Город становится хранилищем культурных и биографических воспоминаний, что особенно ярко проявилось в творчестве М. Цветаевой.

Наверное, нет ни одного русского поэта, который бы не упоминал в своих стихах *Москву*, начиная с древности, с пушкинского *Пора! В Москву, в Москву сейчас!, Как часто в горестной разлуке, / В моей блуждающей судьбе, / Москва, я думал о тебе!* или лермонтовских строк *Москва, Москва!.. люблю тебя как сын, / Как русский, – сильно, пламенно и нежно!* и заканчивая современной поэзией. Но каждый поэт и просто читатель видит в этом городе свое, созвучное своей душе, делает свои акценты, находит свои неповторимые оттенки.

В юности М. Цветаева воспринимала Москву в первую очередь сквозь призму православной веры, причем в этом восприятии было что-то очень детское, чистое, светлое. Семья Марины Цветаевой была, с одной стороны, по-своему уникальной, а с другой – традиционной православной семьей: ходили в церковь, на Рождество украшали елку, дарили подарки, на Пасху пекли куличи и красили яйца и т.д. Все это отразилось в ее творчестве: *Звон колокольный и яйца на блюде / Радостью душу согрели. / Что лучезарней, скажите мне, люди, / Пасхи в апреле?; В день Благовещенья / Улыбаюсь до вечера, / Распростившись с гостями пернатými. / – Ничего для себя не надо мне / В Благовещенье, праздник мой!; Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья, / Я родилась. / Спорили сотни / Колоколов. / День был субботний: / Иоанн Богослов. / Мне и доньне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть.*

И образ Москвы у Марины Цветаевой вырос из такого детства и юности, из православного образа мира, православного менталитета. Как человек творческий, она находила красоту и своеобразную «высоту» Москвы в величии храмов, в блеске куполов, в их завораживающих переливах: *Снова поют за стенами / жалобы колоколов...; Колокола звенят в тени, Спешат удары за ударом...; Рассеянно, как бы без цели, / Я тихим переулком шла. / И – помнится – тихонько пели / Колокола; Червонные возблещут купола, / Бессонные взгремят колокола...; Каждый день все кажется мне: суббота! / Зазвонят колокола, ты войдешь.*

В Москве у нее *накрапывает колокольный дождь*, а сам город – ширь, простор, воздух: *Облака – вокруг, / Купола – вокруг, / Надо всей Москвой / Сколько хватит рук!*, ср. еще: *Семь холмов – как семь колоколов! / На семи колоколах – колокольни. / Всех счетом – сорок сороков. / Колокольное семихолмие!* Возникает ощущение, что у поэта просто захватывает дух от этого простора и красоты, она влюблена в этот необыкновенный город и гордится им: *Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился колокольный гром. ...Царю Петру и вам, о царь, хвала! / Но выше вас, цари, колокола. / Пока они гремят из синевы – / Неоспоримо первенство Москвы.* Москва символизирует для М. Цветаевой русскую культуру, русскую душу, русское православие. Она передает свою любовь к Москве своим потомкам: *В дивном граде сем, / В мирном граде сем, / Где и мертвой мне / Будет радостно, – / Царевать тебе, горевать тебе, / Принимать венец, / О мой первенец!*

И главное – мы видим удивительную сопричастность Марины Цветаевой этому городу, она воспринимает себя живой, неотделимой частью Москвы, а Москву – своей органичной частью, лично ей принадлежащей: *У меня в Москве – купола горят! / У меня в Москве – колокола звонят! / И гробницы в ряд у меня стоят, – / В них царицы спят, и цари.*

«У Цветаевой наблюдается явно выраженное некое собственническое начало к любимому городу < ... > Но это собственничество не для себя самой: раз это не общее, не чье-то, а лично мое, то я страстно хочу и могу его отдать. Подарить любимое – любимым людям. И Цветаева постоянно свою Москву кому-нибудь дарит» [Муратова, 2000, с. 228]. Ярким примером этому служит ее «подарок» А.А. Ахматовой: *В певучем граде моем купола горят, / И Спаса светлого славит слепец бродячий... / И я дарю тебе свой колокольный град / – Ахматова! – и сердце свое в придачу.*

М. Цветаева так комментировала свои стихи в «Нездешнем вечере»: «И если я в данную минуту хочу явить собой Москву – лучше нельзя, то не для того, чтобы Петербург – победить, а для того, чтобы эту Москву – Петербургу – подарить, Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, подарить, перед

Ахматовой – преклонить. Поклониться ей самой Поклонной горой с самой непоклонной из голов на вершине» [Цветаева, 1994 – 1995, IV, с. 287].

В эмиграции М. Цветаева о Москве почти не писала. И возвращаться в Москву не хотела, понимая, что Москва тридцатых годов – это уже *город не сорока сороков церквей*, а город со взорванным храмом Христа Спасителя, с красными флагами на площадях: *Заблудился ты, кремлевский звон, / В этом ветреном лесу знамен*. Но обстоятельства сложились так, что в 1939 году М. Цветаева в Москву вернулась и оказалась в ней чужой, ненужной, почти «зачумленной». В это время она с горечью писала: «Мой отец поставил Музей Изящных Искусств – один на всю страну – основатель и собиратель... Не говоря уже о том, что в бывшем Румянцевском Музее *три* наших библиотеки... Мы Москву – задарили. А она меня вышвыривает: извергает...» [Цветаева, 1994 – 1995, VII, с. 687]. Все в Москве и в душе изменилось для М. Цветаевой: самый воздух города, молчание оставшихся церквей, горожане, и *Спасские – с цветами – ворота, и часовня звездная – приют от зол, и пятисоборный несравненный круг...* Изменилось не только для нее – для целого поколения и уехавших, и оставшихся. Сама трагедийность эпохи отражена в ее творчестве.

Но думается и хочется верить, что ничто не умирает в нашей душе: детство, юность, родина, родители, родной город: *Это трудно в слова облечь, / Чтоб увидели, полюбили... / Это надо в себе сберечь, / Чтобы вспомнить потом в могиле.*

А каков **Париж** в жизни и творчестве М. Цветаевой?

Париж – один из главных европейских городов и мировой центр культуры, столица Франции, возможно, самый элегантный город мира с широкими бульварами, мостами через Сену, неповторимой Эйфелевой башней, Лувром, собором Парижской Богоматери и т.д. Его называют городом романтики, любви, городом света.

Но Париж также нередко называют городом мертвых. Почему? Потому что самая жуткая достопримечательность Парижа – катакомбы, заполненные останками шести миллионов человек. И это не легенда, а исторический факт. В конце XVIII века тысячелетние кладбища Парижа были переполненными, местами слой захоронений доходил до 10 м, под давлением стены кладбища не выдерживали и содержимое вываливалось на улицу, в силу чего прицерковные кладбища запретили, а все кости поместили в парижские катакомбы.

Почему мы об этом пишем? Потому что любой город «пропитан» своей особой аурой, и у каждого из нас возникает свой резонанс с той или иной ее составляющей. Кто-то с удовольствием окунается в атмосферу раскованности в Париже, кто-то наслаждается его архитектурой и достопримечательностями или многочисленными кафе и бутиками с одеждой. А у кого-то здесь живет самый

родной человек, и потому город просто становится его любовью и счастьем. Один мудрый человек заметил, что любимыми для нас становятся те города, где нас ждут.

17 лет М. Цветаева провела в эмиграции (1922–1939 гг.), большую часть из этого времени она с семьей прожила в Париже. Несмотря на годы жизни в этом старинном, культурном, красивом европейском городе, М. Цветаева Париж не приняла, не восприняла, не полюбила. Они приехали в Париж 1 ноября 1925 года, их приютили друзья, жившие в рабочем районе. С. Эфрон так описывал их жилье: «... Внизу шумит Париж. Поминутно с грохотом проносятся поезда восточной железной дороги, которая проходит мимо... За окном лес фабричных труб, дымящих и дважды в день гудящих...» [Швейцер, 1992, с. 341]. Неустроенность, суэта коммунальной квартиры, двое детей, безденежье – все это не добавляло радости от приезда: *Юность – любить, / Старость – погреться: / Некогда – быть, / Некуда деться. / Хоть бы закут – / Только без прочих! / Краны – текут, / Стулья – грохочут... / Рай – это где / Не говорят!.. / Богом мне – тот / Будет, кто даст мне... / Для тишины – / Четыре стены.*

Даже неоспоримую архитектурную, всемирно известную неповторимость Парижа она не только не ценила, а буквально воспринимала «в штыки»: *До Эйфелевой – рукою / Подать! Подавай и лезь. / Но каждый из нас – и такое / Зрел, зрит, говорю, и днесь, / Что скушным и некрасивым / Нам кажется ваш Париж. / «Россия моя, Россия, / Зачем так ярко горюшь?».*

Но неприятие Парижа М. Цветаевой не объясняется только тоской по России. Три года до этого она прожила в Чехии, которую прославила в своих стихах, бесконечно любила Прагу, свой город «полуреальный, сновиденный», и его предместья, а ведь это были места первых и, наверное, очень трудных лет эмиграции. Хотя, безусловно, все поколение, эмигрировавшее из революционной России, оказалось в трагической воронке исторического излома, и это не могло не сказаться на восприятии всего: окружающей жизни, ощущения себя на чужбине, «национального сиротства», социальной униженности.

Но для М. Цветаевой неприятие Парижа было частью глубинного неприятия ею очень многого в мире. Это был протест не только против Парижа, это вечный цветаевский протест против «мира жующих»: «... никогда ничто материальное (будь то богатство до революции или полная нищета всю последующую жизнь) не могло подавить, подчинить себе Марину Цветаеву. Основная тема всей ее жизни и творчества – это противопоставление мира быта – и бытия, души – и не-души, «скучных песен земли» – и «звуков небес». Миру жующих, где правят «глотатели пустот», где «вдохновение хранят как в

термосе», она всю жизнь противопоставляла мир своих высот: «Вы – с отрыжками, я – с книжками». Именно по этой линии делился мир Цветаевой, а отнюдь не на бедных и богатых...» [Муратова, 2005, с. 7].

Париж лишь усилил такое восприятие мира поэтом, он стал солью на большую рану, олицетворением всего мещанского, неестественного, хищного стремления к обогащению, праздности: *С жиру лопающиеся: жир – их «лоск», / Что не только что масло едят, а мозг / Наши – в поэмах, в сонатах, в сводах: / Людоеды в парижских модах. / Нами лакомящиеся: франк – за вход.*

Красивейшие центральные районы Парижа для нее – лишь цветная блестящая обертка пустоты и не-жизни: *Ваши Рольсы и Ройсы – / Змея ветхая лесть!.. Драгоценные куклы / С Опера и Мадлен, / Вам бы тихие туфли / Мертвецовы – взамен / Лакированных лодок.*

В цикле «Стихи к сыну» она призывно утверждает, что ее сын никогда не будет нулем, медным королем, спортсмедным лбом, парой челюстей, которые жуют. А также: *Ни галльским петухом, / хвост заложившим в банке, / Ни томным женихом / Седой американки.* А ведь галльский петух – одна из национальных эмблем Франции, которую, как видим, М. Цветаева воспринимает совершенно уничижительно-саркастически.

Душевную боль М. Цветаевой усиливали ее сложные отношения с русской эмиграцией в Париже, которая была очень неоднородна и по материальному положению, и по идеологическим и культурным взглядам. Нина Берберова в книге «Курсив мой» пишет: «М.И. Цветаеву я видела в последний раз на похоронах (или это была панихида?) кн. С.М. Волконского, 31 октября 1937 года. После службы в церкви на улице Франсуа-Жерар (Волконский был католик восточного обряда) я вышла на улицу. Цветаева стояла на тротуаре одна и смотрела на нас полными слез глазами, постаревшая, почти седая, простоволосая, сложив руки у груди. Это было вскоре после убийства Игнатия Рейсса, в котором был замешан ее муж, С.Я. Эфрон. Она стояла, как зачумленная, никто к ней не подошел. И я, как все, прошла мимо нее» [Берберова, 1999, с. 98].

В. Соловьев писал: «Человек, создавший мир в себе и носящий его, рано или поздно становится инородным телом в той среде, где он обитает. И на него начинают действовать все физические законы: сжатия, вытеснения, уничтожения» [Малинская, 2001, с.227].

«Непонимание и несправедливость огорчали ее, выводили из состояния равновесия, мешали жить. Но во всех трудных ситуациях ей помогал избранный ею жизненный девиз: *Ne daigne. Ne sнисхожу.* Он ставил все на свои места: не снисхожу до вашего непонимания, до ваших претензий, до вашей брани» [Швейцер, 1992, с. 359].

Она «не снизошла» до Парижа. В 1933 году М. Цветаева писала: «Что же касается деревни и города – Дольные Мокропсы поныне предпочитают Парижу. Там были и гуси – и ручьи – и вдоль ручьев дороги – и красная глина... В Париже (живу восемь лет) и тени моей не останется» [Цветаева, 1997, с. 347].

Во Франции существует предание о короле Людовике IX Святом (1214 – 1270), который, сидя у подножия знаменитого дуба в Венсенском лесу, выслушивал жалобы подданных и творил правосудие. М. Цветаева в своем стихотворении «Деревья» пишет: *(Был дуб. Под его листвой / Король восседал...)* / – Святой / Людовик – чего глядишь? / Погиб – твой город Париж! Почему М. Цветаева считает, что Париж погиб? Потому что в этом городе для нее нет правосудия, нет справедливости, в нем нет настоящего живого воздуха, для человеческой души – это мертвый город.

Таковы образы Москвы и Парижа в жизни, душе и творчестве Марины Цветаевой. «В интертекстуальном пространстве многих ее произведений создается собственная история культуры, потому что поэтический текст – моделирующее образование: он не отражает, а творит свою реальность, он создает некоторый возможный мир, мир гения в его наитии» [Маслова, 2004, с. 12].

Библиографический список

- Берберова Н.* Курсив мой. – М.: Согласие, 1999. – 736 с.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Избранные статьи. – ТОМ 2. Статьи по истории русской литературы первой половины XIX века. Часть I. – Таллин: Александра, 1992. – 494 с.
- Малинская М.* «Гетто избранничеств...». – М.: Российский гос. гуманитарный университет, 2001. – 345с.
- Маслова В.А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256с.
- Муратова Е.Ю.* Москва Пушкина и Москва Цветаевой // «А.С. Пушкин – М.И. Цветаева. Седьмая цветаевская международная научно- тематическая конференция (9–11 октября 1999) Сборник докладов. Дом-музей Цветаевой. Москва, 2000. –С.226–235.
- Муратова Е.Ю.* Лингвопоэтика Марины Цветаевой.: Монография. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 96 с.
- Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. – М.: Интерпринт, 1992 – 544с.

Словари

Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 244 с.

Источники

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994 – 1995.

References

Bibliograficheskij spisok

- Berberova N.* Kursiv moj. – M.: Soglasie, 1999. – 736 s.
- Lotman YU.M.* Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda / Izbrannye stat'i. – TOM 2. Stat'i po istorii russkoj literatury pervoj poloviny XIX veka. CHast' I. – Tallin: Aleksandra, 1992. – 494 s.

Malinskaya M. «Getto izbrannichestv...». – М.: Rossijskij gos. gumanitarnyj universitet, 2001. – 345s.

Maslova V.A. Poet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj: Uchebnoe posobie. – М.: Flinta: Nauka, 2004. – 256s.

Muratova E.YU. Moskva Pushkina i Moskva Cvetaevoj // «A.S. Pushkin – M.I. Cvetaeva. Sed'maya cvetaevskaya mezhdunarodnaya nauchno- tematiceskaya konferenciya (9–11 oktyabrya 1999) Sbornik dokladov. Dom-muzej Cvetaevoj. Moskva, 2000. –S.226–235.

Muratova E.YU. Lingvopoetika Mariny Cvetaevoj.: Monografiya. – Vitebsk: UO «VGU im. P.M. Masherova», 2005. – 96 s.

SHvejcer V. Byt i bytie Mariny Cvetaevoj. – М.: Interprint, 1992 – 544s.

Slovari

Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Pod red. E.S. Kubryakovoj. – М., 1996. – 244 s.

Istochniki

Cvetaeva M. Sobranie sochinenij: v 7 t. / Sost., podgot. teksta i komment. A. Saakyanc i L. Mnuhina. – М.: Ellis Lak, 1994 – 1995.

УДК 811.161.1'37

ББК 81.1+81.2-3

© *И.А. Иванова*
Irina A. Ivanova

К вопросу о концептуализации понятия «Новый год» (на материале повести В.Ф. Одоевского «Новый год»)

On the Question of Conceptualization of the «New Year» Notion (Based on the Material of V.F. Odoevsky's Short Story «New Year»)

Аннотация: В статье предпринята попытка описания концепта *Новый год* в русской концептуальной картине мира. В качестве языкового материала был привлечён текст повести В.Ф. Одоевского «Новый год». В ходе анализа выявлены характерные для данного концепта смысловые слои и их репрезентанты. Были сделаны выводы об особенностях лексико-семантического наполнения ядерной и периферийной зоны концепта. Обнаружены лингвокультурологические особенности репрезентации концепта, характерные для языковой картины мира XIX века.

Ключевые слова: концепт, Новый год, святочный рассказ, концептуальная картина мира, В.Ф. Одоевский.

Abstract: The article attempts to describe the *New Year* notion in the Russian conceptual picture of the world. The text of V.F. Odoevsky's short story «New Year» was involved as a language material. The semantic layers distinctive of this concept and their representatives are revealed within the analysis. The conclusions were drawn about the peculiarities of the lexical and semantic content of the nuclear and peripheral zones of the concept. The linguistic and cultural features of the concept representation which are typical for the linguistic picture of the world of the XIX century are exposed.

Keywords: concept, New Year, Yule story, conceptual picture of the world, V.F. Odoevsky.